

К ИСТОРИИ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(На материале Музейного евангелия)

И. Х. Тот

1. И. И. Срезневский, великий пионер русского языкознания и исторической грамматики, в своей лекции, прочитанной 8-го февраля 1849-го года, так определил задачу истории языка: «Каждый из старых памятников языка должен быть разобран отдельно в отношении лексикальном, грамматическом и историко-литературном».¹

Хотя историю русского языка мы хорошо знаем, всё-таки, пользуясь данными каждого памятника и анализируя их, мы получаем более точную картину о территориальном и временном распространении определённых процессов в языке. Именно для этой цели важное значение имеет изучение не только больших, знаменитых и часто цитируемых памятников, но необходим и тщательный анализ менее известных памятников русского языка.

Одним из малоизвестных памятников русского языка является так называемое Музейное евангелие в русской редакции старославянского языка.

Исследованная рукопись в настоящее время находится в Москве в Библиотеке им. В. И. Ленина. Она является XIV-ой рукописью так называемого Румянцевского фонда. По А. Х. Востокову² перепись данной книги совершилась в конце XII века или в начале XIII века на севере. О северном происхождении свидетельствует смена аффрикат с и ѣ и передача dʒ на письме сочетанием букв zg. Например:

bagraniču 746, 154a, veliči 125a, vʒdoviča 636, dʒzgi 87a, rozgʒje 28a.

Музейное евангелие, хотя и не принадлежит к числу наиболее известных памятников русского языка, отражает некоторые особенности живого русского языка, которые были характерны для него в конце XII века. Но, кроме этого, в данном памятнике отражены определённые фонетические и морфологические свойства древнего новгородского наречия.

Фонетические особенности древнего северного наречия хорошо известны нам. Значительно труднее вскрыть его морфологические особенности; поэтому мы должны обратить больше внимания на то, чтобы обнаружить в памятниках северного происхождения те морфологические особенности, которые характеризовали древний новгородский говор. В этом отношении большую помощь нам

¹ Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка, Москва, 1959, стр. 80.

² Востоков А. Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея, 1842, под №С1У.

оказывают данные берестяных грамот, найденных А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым в Новгороде.³

Картину, составленную лингвистами по пергаментным рукописям XII—XIV веков, можем контролировать, пополнять и уточнять при помощи материала, взятого из новгородских берестяных грамот. Их сравнение с материалом древних рукописей даёт возможность более детально узнать русский язык XII—XIV веков, точнее сказать, один из его диалектов, а именно северный диалект. Для этого данные Музейного евангелия мы сопоставляли и сравнивали, если это было возможно, с данными новгородских берестяных грамот, и таким образом старались достичь более точных и надёжных результатов. Наша цель — исследовать систему склонения имён существительных не только конца XII века, но обнаружить, где это возможно, и раскрыть определённые особенности в области древнего новгородского наречия в системе склонения имён существительных.

2. Известно, что в последний период индоевропейского праязыка склонение имён существительных шло по определителям корней. С их затемнением и потерей произошёл процесс, в результате которого основа сократилась в пользу окончаний. То есть элементы основ, когда-то имевших самостоятельное значение слились с элементами прежних флексий, и таким образом возникли те окончания, которые известны нам по старославянским и древнерусским памятникам.

По Бодуэну де Куртенэ в славянских языках можно различать три периода истории склонения имён существительных:

- 1) Период сокращения основ в пользу окончаний. Этот период отражён в старославянском языке и «отчасти, также в древних памятниках других славянских языков».
- 2) «Период распределения сколения по родословным различиям. свойственным почти всем нынешним языкам славянским.»⁴
- 3) Период замирания основ склонения. Такое явление характерно только для болгарского языка, и поэтому его можно оставить в стороне.

Во второй период истории склонения «произошла новая группировка типов склонения... При этом на первый план выступило, как признак типов, сочетание или ассоциация известных окончаний с родовыми различиями.»⁵

Конечно, переход от первого периода ко второму не произошёл сразу, одновременно во всех славянских языках. Начался он ещё в общеславянском языке и был закончен уже в отдельной жизни славянских языков. Унификация типов склонения, начавшаяся в общеславянском языке, в русском языке была закончена к концу XVIII века. Только тогда выработалась система склонения имён существительных, в основе которой лежит родовой признак. Именно в этот

³ Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, АН СССР, Москва, 1955.

⁴ Бодуэн де Куртенэ А. И. Заметки об изменяемости основ склонения. Сборник статей посвящённых Ф. Ф. Фортунатову. Варшава, 1902, стр. 247.

⁵ Там же, стр. 248.

длинный и сложный процесс нам хотелось бы вникнуть и при изучении системы склонения имён существительных в Музейном евангелии

Наши замечания сделаны по распределению прежних основ.

А. Основы на гласные

Важнейшим вопросом при изучении судеб основ на гласные в этот период является взаимодействие основ на -о и -ѣ с одной стороны и -јо и -ї с другой.

1. Основы на -о

Твёрдая разновидность

Основы на -о, вследствие того, что их именительный падеж единственного числа мужского рода оканчивался на -ъ, оказывали влияние на существительные с основой на -ѣ, которые имели в именительном падеже единственного числа также окончания на -ъ. Они были также мужского рода. (Даже они имели одинаковый винительный падеж, оканчивавшийся на -ъ, пока не возникло употребление родительного падежа в значении винительного у существительных, обозначающих лица.)

Ввиду того, что в количественном отношении преобладали основы на -о, их влияние привело к тому, что основы на -ѣ исчезли из русского языка. Но их следы сохранились в древнерусском языке в родительном, дательном, творительном, местном падежах единственного числа и в родительном падеже множественного числа у основ на -о.

В родительном падеже единственного числа мы встречали характерные окончания для основ на -о. Например, groba 128a, ot naroda 31a, zâkona 316, vĕka 32a ит. п.

Заслуживает внимания форма родительного падежа на -и в слове ригу 34a. Оно несомненно возникло под влиянием основ на -ѣ.

В дательном падеже, кроме окончания на -и, часто встречаем формы на -ови, которые произошли от основ на -ѣ: Petrovi 106, 41a (7 раз), Simonovi 54a, 646, Iosifovi 10a, 17a, Ionovi 686.

Особенно часто это окончание употребляется с именем Isusъ: Isusovi 4. a, 38. a, 466 (тринадцать случаев). Но можем обнаружить и правильную форму Isusu (1576).

Собственное имя Christosъ имеет в дательном падеже также -ови: Christosovi. Из нарицательных имён существительных богъ и duchъ также имеют в этом падеже флексию на -ови: bogovi 1006, 1036, 108a, 131a; 776, 836.

Из основ на -јо, и -ї существительные kesarъ и ognъ (по происхождению основа на -ъ) и gospodъ (основа на -ї) образуют форму дательного падежа на -ови: ognevi 1046, gospodevi 132a.

Хотя этими основами мы будем заниматься ниже, всё-таки обследуем формы на -ови, потому что хотели бы решить вопрос о том, знал ли живой древнерусский язык эти формы на севере.

Прежде чем решить этот вопрос, надо вспомнить о том, что в Остромировом евангелии встречаются такие формы: archiereovi, kesarevi, bogovi, duchovi, Anđreovi, Isusovi, Petrovi и пр. Сразу бросается в глаза, что эти существительные имеют один и тот же лексико-семантический признак: все принадлежат к словарному составу древнерус-

ского книжного языка. Они были чужды народу.⁶ Полагается, что такие падежные окончания из старославянского текста попали в Остромирово евангелие. В новгородских берестяных грамотах окончание дательного падежа единственного числа имён мужского рода -у: *Jesifu 3,27 Pavlu 5*.⁷ (Грамоту №3 М. Н. Тихомиров относит к первой половине XIV века, грамота №5 датируется концом XIII века, и 27-ая была написана в XV веке). Эти данные показывают, что в XIII—XIV вв. окончание дательного падежа в древнем новгородском диалекте было -у. Оданко в грамоте №9, которая, по мнению А. Н. Арциховского и М. И. Тихомирова, возникла в XI веке, в дательном падеже единственного числа имеется форма *Vasilyvi*.⁸ Этот факт доказывает, что в новгородском диалекте XI века было известно окончание на -evī, но, возможно, что не было распространено, в противном случае оно встречалось бы и в более поздних грамотах. Интересно, что флексия дательного падежа имени существительного *architriklinъ* в нашем памятнике — *architriklinu 7a*. В Остромировом евангелии оно оканчивается на -ovi: *architriklinovi (12a¹⁸)*. Осложняется вопрос о возможном окончании этого существительного тем, что в древнейшем евангелии - апракосе, в Ассеманиевом, встречается фояма на -и в дательном падеже: *architriklinu*. Таким образом, допустимо, что флексия на -и попала в изучаемую рундпись из старославянского оригинала.

Если часто встречаемое окончание на -ovi в дательном падеже единственного числа сравниваем с данными некоторых памятников русского языка более раннего времени, картина будет следующая: в Минее 1096 года только существительные *Chritosъ, mirъ, bogъ, gonitelj, meъ* оканчиваются на -ovi.⁹ В Ефремовской кормчей существительные *bogъ, zmiъ, muъ, noъ, chodatajъ, Christosъ, popъ, Petrъ, Mafejъ, kuotъ-vultadejъ, vonipsatijъ* имеют флексию на -ovi, -evī.¹⁰ Среди них не только чуждые древнерусскому языку имена существительные оканчиваются на -ovi, но и такие слова как *muъ, noъ, meъ, mirъ* (по происхождению основа на -й!), которые имелись в живом древнерусском языке. В Архангельском евангелии, — памятник южнорусского происхождения, — существительные *muъ, Petrъ, Andrejъ, archierejъ, bogъ, Irodъ, Iosifъ, Ivanъ, ierejъ* имеют в дательном падеже окончание на -ovi.¹¹ Этот перечень для нас очень неожиданный,

⁶ Жуковская Л. П. Значение и перспективы изучения Остромирова евангелия. Исследования по лексикологии и грамматике русского языка, Москва, 1961, стр. 42.

⁷ Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот (в большом Палеографическом и лингвистическом анализе), стр. 107.

⁸ Палеографический и лингвистический анализ, стр. 108.

⁹ Комарович В. А. Язык служебной Минее 1096 г., ИОРЯС, 1926, стр. 40—41.

¹⁰ Обнорский С. П. О языке Ефремовской кормчей, Петербург, 1912, стр. 68—69.

¹¹ Соколова М. А. К истории русского языка в XI. веке, Известия АН СССР, 1933, стр. 122—123.

так как количество форм на *-ovi* меньше, чем можно было предполагать. Известно, что из русских говоров в южных и юго-западных областях сохранились заметнее всего следы былой основы на *-ŭ* П. С. Кузнецов пишет относительно распространения окончаний с основами на *-ъ*, что в настоящих древнерусских памятниках они почти совсем не обнаруживаются.¹²

Подытоживая выше сказанное, можно сделать следующий вывод: в языке писца Музейного евангелия окончания на *-ovi*, возникшие под влиянием основ на *-ъ*, встречаются только в тех словах, которые были для него известны из старославянских памятников. Значит, в языке писца не было такого окончания. Но такая форма, как *Vasilyvi* в грамоте №9 говорит в пользу того, что окончание на *-ovi*, хотя и редко, но употреблялось под влиянием книжного языка как формы *muževŭ* (грамота №109), *Michalevi* (грамота №207) показывают. Характеризуя систему склонения имён существительных в новгородском говоре по данным памятника, можно сказать, что его отличительной чертой по сравнению с южными и юго-западными говорами является отсутствие флексий на *-ovi*, *-evŭ* в дательном падеже единственного числа мужского рода.

О флексии на *-u* в родительном падеже единственного числа можем сказать то же самое. Флексию на *-u* в данном падеже можно обнаружить в изучаемом памятнике только в слове *riču* 34. а. Интересно, что в новгородских берестяных грамотах окончание на *-u* встречается также только один раз: *daru* (в грамоте написанной в XV в.).¹³ В Минее 1096 года указанная флексия в родительном падеже встречается дважды: *miču*, *světu*¹⁴. В Ефремовской кормчей обнаруживается только один случай употребления данной флексии в родительном падеже с основой на *-o*: в слове *гаѣ*; *гају*¹⁵. Эти данные согласуются с выводами Г. А. Яковлевой, высказавшей гипотезу о том, что флексия *-u* в родительном падеже единственного числа в новгородских памятниках появляется позже, чем в памятниках южного происхождения.

Влияние русского языка особенно заметно в творительном падеже единственного числа. Как известно, между старославянским и древнерусским языком в флексии этого падежа существует важное расхождение. В старославянском языке вследствие выравнивания в пользу основ на *-o*, окончанием этого падежа является *-омь*, даже у существительных с основами на *-ŭ*. Наоборот, в западнославянских и восточнославянских языках было распространено окончание основ на *-ŭ* и у существительных с основами на *-o*. Эта флексия обнаруживается уже в Новгородских листках *mičъmь*. Хотя в них флексия на *-ъmь* встреча-

¹² Кузнецов П. С. Очерки по исторической морфологии русского языка, Москва, 1959, стр. 201.

¹³ Палеографический и лингвистический анализ, стр. 107.

¹⁴ Комарович Л. В. Цит. работа, стр. 42.

¹⁵ Обнорский С. П. Цит. работа, стр. 69.

ется только один раз, но для Остромирова евангелия в большинстве случаев характерно окончание на -ѣтъ, -ѣтъ.

Музейное евангелие очень хорошо отражает эту морфологическую особенность русского языка. Прежде чем рассмотреть имеющиеся в нашем памятнике падежные формы на -ѣтъ, нужно заметить, что эта флексия распространялась и на существительные среднего рода с основой на -о. *razumъ* 55а, но *drugъ* 13а, *čislъ* 20а, *kаlъ* 22а, *okъ* 44а, *zlatъ* 44б, *prestolъ* 44б, *darъ*, *obrazъ* 45а, *oplotъ* 49а, 102а, *pyrstъ* 51а, *strachъ* 60а, *rodъ* 60б, *soupyrnikъ* 82а.

Кроме нарицательных существительных, собственные имена также имеют это окончание: *Iakovъ* 48б, *Danilъ* 48б, *Isusъ* 112а. О распространении окончания на -ѣтъ невозможно составить полную картину, потому что много существительных находится под титлом. Под титлом писец писал только элемент -тъ, который можно читать как — -ѣтъ, или -омъ. Например: *predъ bтъ*. В местном падеже единственного числа под влиянием основ на -jo возникла падежная флексия на -i: *pri světi* 17а.

Во множественном числе влияние основ на -ѣ ещё меньше, чем было в единственном числе. Только в родительном падеже известно окончание на -овъ: *grěchovъ* 25б, 141б. Причём это окончание имеется в памятниках северного происхождения, начиная с XI века. В Минее 1096 года можно встретить такие примеры, как *trudovъ*, *udovъ*.¹⁶ Значительно больше его имеется в Ефремовской кормчей: *běsovъ*, *grěchovъ*, *piгоуъ*.¹⁷ По свидетельству Новгородской грамоты №7 XII века окончание было известно и новгородскому диалекту.¹⁸

В дательном падеже множественного числа вместо окончания -омъ мы обнаруживаем в Музейном евангелии -ѣтъ. Например: *učenikъ* 88б, *parodъ* 103б. Имеющиеся в нашем распоряжении исторические грамматики русского языка не знают этого варианта. Не известно оно и в Остромировом евангелии, в Архангельском евангелии и в Минее 1096 года. Этот факт говорит о сравнительной редкости данного окончания. Но в Ефремовской кормчей несколько раз встречается флексия на -ѣтъ: *romyslъ*, *szbogъ*, *ustavъ*. По С. П. Обнорскому, эти формы возникли графическим путём.¹⁹

Кроме памятников русского языка, в дательном падеже множественного числа окончание на -ѣтъ известно в памятниках старославянского языка. Оно встречается в Саввиной книге, Супрасльской рукописи (6 раз).

По Н. Ван Вейку²⁰ флексия на -ѣтъ в этих случаях возникла под влиянием форм именительного и винительного падежей единственного числа.

¹⁶ Комарович В. А. Цит. работа, стр. 43.

¹⁷ Обнорский П. С. Цит. работа, стр. 70.

¹⁸ Палеографический и лингвистический анализ, стр. 111.

¹⁹ Обнорский П. С. Цит. работа, стр. 69.

²⁰ Вейк Н. В. История старославянского языка, Москва, 1957. стр. 242.

Очень интересно, что, кроме выше упомянутых памятников старославянского языка, ещё две рукописи северного происхождения знают эту флексию. Относительно происхождения данного окончания можно сделать следующие предположения:

1. Возможно, что оно попало в нашу рукопись из старославянского оригинала.
2. Возможно, что оно возникло под влиянием именительного и винительного падежей единственного числа и на русской почве, как это было предположено *Н. В. Вейком*.
3. Поднимается вопрос о том, что после вокализации сильных еров в окончании *-ѣтъ*, можно ли считать букву *ѣ* графическим вариантом гласного [о]. Не хотел ли писец в таких формах, как *иѣѣникѣтъ* 886, *ѣроѣтъ* 103а передать гласный [о] ером? Против такого рода объяснения говорит язык Ефремовской кормчей, в которой нет достовѣрных примеров для перехода сильных еров. В изучаемом памятнике также редко встречаются такого рода процессы. На основе этих обстоятельств мы также отрицательно отвечаем на этот вопрос.
4. Наконец, возникает вопрос о том, не возникли ли эти падежные варианты под влиянием творительного падежа единственного числа существительных с основой на *-о*.

Рассмотрев эти варианты объяснений окончания *-ѣтъ*, мы считаем, что на основе материала одного памятника невозможно сделать больших обобщений о происхождении этих форм.

Прежде чем окончить анализ твёрдых форм, необходимо сделать одно примечание. Существительное *око*, принадлежащее к основам на согласные, склоняется по типу существительных с основой на *-о*: *оѣтъ* 486, *ѣ осѣ* 676.

Мягкая разновидность

Заслуживает внимания то, что некоторые существительные с основой на *-jo* в дательном падеже единственного числа оканчиваются на *-ovi*, *-evi*: *Moseovi* 9а, 23а, *archiereovi* 143а, 150аб, *kesarevi* 49а, 91а, 103б, 117б, 131а.

Эти формы нельзя считать особенностью живого новгородского говора. Они попали в Музейное евангелие из старославянского оригинала.

В творительном падеже единственного числа по аналогии с основами на *-ѣ* и в мягком варианте встречаем окончание на *-ѣтъ*: *oltarѣтъ* 45а, *korablѣтъ* 55а, 104а (дважды), *иѣѣѣтъ* 67а, *лѣѣтъ* 68в, *лѣѣтъ* 73б (дважды), *dѣlatѣтъ* 74а, *теѣтъ* 11б, 117а. В этих случаях мы вправе видеть отражение живого древнерусского языка.

Естественно, что после гласного *-i* окончание *-ѣтъ*: *imѣnijѣтъ* 53б, 83а *kamenijѣтъ* 125б, 129а, *lobzanijѣтъ* 11бб и пр.

Из старославянского языка нам известно окончание на *-ѣтъ*, редко встречаемое в изучаемом памятнике: *oltarѣтъ* 132б.

Конечно, существительные под титлом в определении флексии не оказывают помощь.

В род.-ном падеже основ на *-jo* в мн. ч. заслуживает внимание возникшее по аналогии с основами на *-ѣ* окончание в слове *ѣгаѣъ*: *ѣгаѣѣъ* 48б.

Винительный падеж основ на -jo отличается в русском языке от старославянского склонения. В этом падеже вместо старославянского (е) в древнерусских памятниках имеем окончание на ё. В Музейном евангелии эта характерная черта древнерусского языка находит отражение в единственном случае: рѣнѣѣ 98а.

Интересно, что вместо старославянской флексии на -ѣ по древнерусскому произношению и графике видим букву -а в винительном падеже множественного числа у существительных с основой на -jo. Например: svoja mьrtvьsa 866, starьsa 746 и пр. Эти графические варианты падежных форм затрудняют понимание текста.

Некоторые существительные с основой на -jo в дательном падеже множественного числа имеют окончание на -омъ: ijudeomъ 136а, archiereomъ 1106.

Звательный падеж имени Zakchejъ, Zakcheje 103а.

2. Основы на -й

Под влиянием основы на -о в древнерусском языке только 6 существительных сохраняло окончание по основам на -й. Ими являются: сунъ domъ, медъ, volъ, polъ, vьrchъ. Но они постепенно подвергались влиянию со стороны основ на -о, в результате чего получили падежные флексии по основам на -о. Конечным результатом такого процесса являлось их вымирание из системы склонения имён существительных. В этом отношении заслуживает внимания винительный падеж существительного сунъ. Именительный и винительный падеж в определённый период истории старославянского и древнерусского языков совпадали в обеих основах. Когда возникла потребность отличать объект от субъекта, существительное сунъ в винительном падеже получило флексию -а от основ на -о.

В Музейном евангелии имеются примеры употребления и старого, и нового окончаний: въ сунъ 23а, proslavi sунъ 27а, posьla sунъ 49а, на сунъ 80а, posьlju сунъ 906, privedochъ сунъ 1236. Эти архаические формы восходят к старославянскому оригиналу, с которого переписывалась изучаемая рукопись. Наше предположение подтверждается тем, что в Ефремовской кормчей существительное сунъ в винительном падеже единственного числа имеет форму сунa.

Хотя в винительном падеже сохраняются старые формы, всё-таки значительно чаще употребляется родительный падеж основ на -о в функции винительного падежа: svojego syna 7а, 12а, 14а, 166, 326, (14 случаев). Из этого факта естественно можно сделать вывод о том, что в языке писца винительный падеж имени существительного сунъ образовался от основ на -о.

Окончание родительного падежа единственного числа лучше всего сохранилось в имени существительном domъ: domu 5а, 49а, 616, 74а, 746, 91а. Имена существительные vьrchъ, polъ, volъ в родительном падеже имеют такое же окончание на -у: vьrchu 636, ot polu 496, volu 89а. Существительное сунъ в родительном падеже, наоборот, имеет окончание -а: syna 76, 45а, 46а, 33в, 139а (два раза). В дательном падеже единственного числа окончание -на -ові встречается очень редко: synovі

1376, 148а. Характерной флексией этого падежа является -и, взятое от основ на -о: *synu svojemu* 17а, *synu* 42а, 516, 726, 96а, 127а, *domu* 466, 58а, 73а, 856, 92а, 946, 103а, 1086, 1096, 115а.

В творительном падеже существительные с основой на -о, конечно, сохраняют своё прежнее окончание: *domътъ* 466, *synътъ* 1136.

В местном падеже чаще встречается исконная флексия на -и: *въ domu* 166, 26а, 336, 56а (в шестнадцати случаях), *въ synu* 96а, 1446, *на полу* 31а. На влияние со стороны основ на -о указывает окончание местного падежа в существительном *synъ*: *syně* 88а.

Сосуществование древних и новых окончаний хорошо прослеживается в звательном падеже, в котором встречаем такие варианты, как *synu* 466, 636, 61а, 100в, 127а, но *syne* 33а, 716, 100а, 1006.

Окончание именительного падежа множественного числа -ове: *synove* 17а, 246 (два раза), 41а, 45а, 486 (двенадцати случаев). В винительном падеже сохранилась старая флексия: *domu*, *synu* 44а, 606, 65а, 1046, 1076, 1326. Сохранилось старое окончание и в родительном падеже множественного числа: *synovъ* 416, 856, 1336, *volovъ* 92а.

Дательный падеж оканчивается на -отъ: *synomъ* 506. Он возник по аналогии с основами на -о.

Существительное *mirъ*, по происхождению принадлежавшее к основам на -и, полностью перешло к основам на -о. Оно совершенно не сохранило своё прежнее окончание: родительный падеж существительного *mirъ* — *mira* 9а, 12а, 126 и т. д. О давнем переходе данного существительного к основам на -о свидетельствует тот факт, что оно уже в Архангельском евангелии имеет формы основ на -о, кроме одного случая.²¹ Сильное влияние основ на -о проявляется и в двойственном числе, где мы можем обнаружить только формы, возникшие под влиянием основ на -о: *oba syna* 40а, 42а, 50а, 646, 108а, 1246, 1286, 142а, *synu* 40а, *synoma* 40а.

Как из этого видно из основ на -й существительное *synъ* больше всего подверглось влиянию основ на -о. Это доказывается тем, что данное существительное в родительном падеже не имеет окончания на -и. Такое же явление обнаруживается и в Архангельском евангелии.²² Рассмотренные выше данные показывают, что в единственном числе происходило сильное влияние основ на -о. Древние падежные формы наиболее полно сохранены в местном падеже и, конечно, в творительном. Во множественном числе сохранилось значительно больше прежних флексий, чем в единственном. Влияние основ на -о в единственном числе в достаточно сильной мере проявляется в винительном падеже (у существительного *synъ*), в родительном, дательном, звательном падежах и в двойственном числе. Во множественном числе именительный и родительный падежи имеют старые флексии.

Подытоживая результаты наших наблюдений, можно сделать следующий вывод: хотя сохранившиеся в языке писца существительные с основой на -й в некоторых падежах ещё оканчиваются на флексии основ на

²¹ Соколова М. А. Цит. работа, стр. 123.

²² Соколова М. А. Цит. работа, стр. 124.

-ѣ, их прежние окончания постепенно теряются, и существительные с основой на -ѣ получают падежные окончания основ на -о.

Данные Музейного евангелия о судьбе -ѣ основ дополняют друг друга. При анализе форм дательного падежа мы видели, что его характерным окончанием является -ѣ, а не -овѣ. В тоже время у некоторых существительных с основой на -о, -јо, и -ї в редких случаях обнаруживается в дательном падеже единственного числа флексия на -овѣ: bogovi 100в, 103в, 108а, 131а; duchovi 77в, 83б: kesarevi 49а, 91а, ognevi 104б, gospodevi 132а. По лексико-семантическим особенностям окончания существительных богъ, duchъ, kesarъ, gospodъ могли возникнуть на основе старославянского языка и попали в Музейное евангелие из оригинала. К особенностям языка писца относим только одну форму: ognеvi. Так как форма дательного падежа даже у существительных с основой на -ѣ была вытеснена формой о-основ, трудно представить себе, что под влиянием этих постепенно исчезающих из языка форм могли возникнуть окончания и у основ на -о. Количество форм дательного падежа на -овѣ, возникшего по аналогии в новгородском диалекте, было невелико, и формы с окончанием на, -овѣ можно считать реликтами прежней системы склонения. На этой основе возможно объяснение формы дательного падежа на -овѣ встречающегося в берестяных грамотах (Vasilъvi, Michalevi), как формы, образованной под влиянием книжного языка. Конечно, что писцами таких грамот были люди, имевшие определённое образование, которое обязательно было связано с книжным языком; в нём имелись такие формы, восходившиеся к старославянскому языку. Это предположение подтверждается и тем фактом, что в Новгородской летописи формы дательного падежа на -овѣ имеют имена Dragulovi, Sudilovi, Andrejevi, Gjurgevi, Jakunovi, Michalevi и только небольшое количество нарицательных существительных: otcevi konevi.²³ Формы otcevi, konevi и ognevi (в Музейном евангелии) можно считать реликтами старых форм, ранее возникших по аналогии с основами на -ѣ.

3. Основы на -а

Твёрдая разновидность

Склонение имён существительных не вызывает замечаний. Существительное kana не склоняется: въ kana 6б. Звательная форма имени существительного: sotona — sotoно 36б.

Мягкая разновидность

В именительном падеже встречаются формы, являющиеся результатом древнерусской графики, в которой гласный [а] передаётся буквой юс малый: zemlę 6а, volę 11в (два раза). Они являются гомографами форм старославянского родительного падежа единственного числа, который представлен в Музейном евангелии: zemlę 6а, 24б, 51а, 58, volę 11б, 116б. После букв ж, ш, ч, ц, и щ по графическим особенностям на

²³ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка, Москва, 1907, стр. 171.

месте старославянской флексии на -ѣ часто встречается буква *а*: *ne imy odeža* 52a. Такие формы хорошо показывают нам смешение древнерусских и старославянских элементов. Вместо старославянского слова *odežda* писец употреблял русское слово *odeža*, но оно получило старославянское окончание, которое передавалось по древнерусскому произношению. На этой основе возникли такие формы, как *prityča nikoje-ja ne glagoleši* 148. а, а, *prityča ni jedinoja*. Вместо буквы *ѣ* писец употреблял буквы *ја*: *ot Galileja* 31a, 31в, 496, *ot Idomeja* 49a. В этих случаях только текст определяет точное падежное значение.

В родительном падеже мягкого варианта имеется и живое древнерусское окончание: *pšenicě* 856, 86a, *bratě* 426. Встречается также и старославянское окончание на -ѣ: *samaręnyę* 17a, *pustynę* 236 и пр. В именительном и винительном падежах мягкой разновидности во множественном числе встречаем сходные явления, как и в родительном падеже единственного числа.

Представлена и древнерусская флексия: *pticě* 51a, 72a, 866, *sodom-ļęnyč* 676. В большинстве случаев имеем вышеописанные смешанные формы: *овьса*, 206, 566, *овьса* 206, *ljuboděica* 42a и т. п. Известно также старославянское окончание: *bljudnicę* 129a.

При анализе рассмотренных смешанных форм возникает вопрос, не отражается ли в этих формах фонетическая тенденция изменения [e] > [a]. Такой процесс был известен в некоторых северных диалектах древнерусского языка. В псковских памятниках имеются такие формы, как *уѣrevja* = местный падеж единственного числа

отьса = звательная форма

proglaša = имперфект, 3-ье лицо

Надо учитывать, что в псковских памятниках эта тенденция происходит только в XIV веке, когда гласный (ѣ) совпал с гласным (е).

В нашем памятнике возможность такого перехода [e] > [a] исключена. Наше мнение подтверждается фактом, что, кроме родительного падежа единственного числа именительного и винительного падежей множественного числа основ на -ja, винительного падежа множественного числа основ на -jo и винительного падежа множественного числа существительных с суффиксом -telъ, -agъ не находим в Музейном евангелии на месте (ѣ) гласный (а).

Существительные *samaręnyč* 17a, *mьlnii* 46a, *sudii* 826 сохраняют старые формы именительного падежа единственного числа.

Форма родительного падежа, встречаемого на странице 24a, *пользѣ* свидетельствует о том, что это существительное склонялось по основам на -ja.

Под влиянием родительного падежа твердой разновидности возникла форма родительного падежа на -i: *ot Galilei* (66). В родительном падеже -ja основ уже с древнейших времён имеется окончание на -i: *iz otrokovici* в Минее 1095 года,²⁴ *nadeži*, *služьbьnici* в Ефремовской кормчей. Подобные случаи известны и из новгородских берестяных гра-

²⁴ Комарович Л. В. Цит. работа, стр. 43.

²⁵ Обнорский С. П. Цит. работа, стр. 68.

мот: Mikulici в грамоте №54 (XIII век), ot Nastasji в грамоте №49 (XIV век), ot Griksi в грамоте №3 (XIV век).²⁶ Эти данные доказывают, что в новгородском говоре, начиная с XI века, хотя и редко, но имело окончание на -i в родительном падеже единственного числа существительных женского рода на -ja.

Наконец, необходимо ещё одно замечание относительно склонения существительного bratja, имеющего собирательное значение. Оно сохраняет значение единственного числа и известное нам в современном русском языке (например, наша братья, братья монастырская).

Об употреблении этого существительного в единственном числе говорят нам такие формы, как bratiju (твор. п.) 93а, 99б, 116а, ni bratja 84а. Но форма родительного падежа множественного числа ot bratii moichъ 114а свидетельствует о том, что значение множественного числа уже было в процессе оформления. Интересно сравнение формы ot bratii moichъ с формой, имеющейся в Супрасльской рукописи: ot bratje moje. Из него явствует, что процесс, следствием которого было употребление этого собирательного существительного в значении множественного числа, протекал в XII веке и в новгородском говоре.

4. Основы на -i

Существительные с основой на -i не вызывают замечаний. Окончание творительного падежа единственного числа этих существительных в мужском роде -ьть: огньть, 32а, 48а, 64б, путьть 42а. Оно известно и старославянским памятникам, и находится, между прочим, в Зографском евангелии и в Саввиной книге.²⁷

В дательном и местном падежах множественного числа флексия -ьть, ѡьть: дььть 5а, 6б, 48а; вь людьчъ 22б, 93а, вьвьсьчъ 56б, рутьчъ 140а. Окончание имён существительных на -ьть, -ьчъ особенно часты в Саввиной книге.

Основы на -i были параллельны формам основ на -ъ в индоевропейском языке. В общеславянском языке этот параллелизм прекратился, и позже именительный падеж единственного числа основ на -i совпал с именительным падежом основ на -jo. Результатом этого совпадения было влияние последних на склонение существительных мужского рода. В исторический период жизни русского языка существительные мужского рода с основой на -i постепенно переходили к основам на -jo.

Существительное огнь рано перешло в склонение на -jo, потому что его дательный падеж с древнейших времён оканчивается на -ju: ognju 64б. Его родительный падеж образован также по основам на -jo: ognę 45а, ognę 11б.

Влиянием основ на -ъ объясняются формы дательного падежа единственного числа на -evi: ognеvi 104, gospodevi 132а.

Б. Основы на согласные

Богато представлены в Музейном евангелии и основы на согласные.

Как известно, основы на согласную не сокращались в пользу

²⁶ Палеографический и лингвистический анализ, стр. 105.

²⁷ Ван Вейк Н. Цит. работа, стр. 247.

окончаний. В этих основах после выпадения конечных согласных, хотя и сократились прежние окончания, морфологическая граница между основой и окончанием оставалась одна и та же. Не смотря на это, очень рано начинается распад основ на согласный. Существительные этой группы переходят постепенно к основам на гласные. Естественно, что этот процесс охватывал длительный период истории русского языка. В древнерусском языке раньше всего прекратилась существовать самостоятельность основ на -s.

Наши исследования начнём именно с этой основы.

1. Основы на -s

Распад этого склонения начался уже в общеславянском языке. Причиной его являлось затемнение определителей корня. Кроме того, большое значение имело то, что именительный и винительный падежи единственного числа имён существительных типа *slovo*, *tělo* совпали с теми же падежами имён существительных с основой на -o типа *selo*.

Вследствие этого основы на -s постепенно переходят к основам на -o. В живом русском языке во время образования письменности основы на -s не склонялись отдельно. Они склонялись уже в древнейших памятниках по основам на -o. Так, например, в Пандектах Антиоха имеем форму на -o: *neboť*;

Несколько позднее они под влиянием старославянского языка появляются в определённых стилях литературного языка, но в то же время они были чуждыми для разговорного языка. В новгородских берестяных грамотах существительное *slovo* склоняется по основам на -o: *bez tvojego slova*²⁸ (грамота №17, из XV столетия).

Родительный падеж единственного числа бывших основ на — оканчивается на -e: *tělese* 5a, *slovese* 9a, 42c, 55b, 60b, 128b; *nebesē* 76a, 95a, 101b, 142c; *očese* 67b.

Встречается и окончание на -i: *slovesi* *mojego* 76b. У существительного *nebo* в родительном падеже единственного числа вместо -e можно обнаружить флексию на -ě: *съ nebesě* 4a, 42a, 62a, 73b, 90b, 93b, 118b, 130b, 137a. Такая же флексия имеется в Ефремовской кормчей²⁹: *telesě*.

П. С. Обнорский, исследователь памятника, не объясняет эту форму. По нашему мнению, ё в этих случаях объясняется церковным произношением гласного [ě]. Вместо этого гласного искусственно произносился [e] и обратно, на месте e писали иногда ё. Окончание дательного падежа -i: *nebesi* 36a, 39a, 106b; такое окончание имеют эти основы в именном падеже: *slovesi* 16b, 43b, 49a, 103; *nebesi* 43a, 46b, 75a и т. д., *drěvesi* 119a.

Живой древнерусский язык отражается в тех падежах данных существительных, которые образованы уже по образцу основ на -o: *těla* 27a; *ot drěva* 57a, *nebu* 36a, 86a, *tělu* 78a, *slovъть* 48a, 74b, 131a, *těлъть* 55b, 81a, 103a, *očě* 67b.

Заслуживает внимания форма именительного падежа множественного

²⁸ Палеографический и лингвистический анализ, стр. 107.

²⁹ Обнорский П. С. Цит. работа, стр. 68.

числа: slovesy (91a). В творительном падеже окончание -у: slovesy 118a, а в местном падеже встречаем варианты на -ěchъ и -ьchъ nebesěchъ 16, 47c, 67a, 916 (в десяти случаях): nebesьchъ 99a; slovesьchъ 101a, 1016.

Флексия местного падежа на -ěchъ множественного числа считается формой, возникшей по аналогии с основами на -о.

Как мы видим отсюда, отсутствие основ на -s очень хорошо отражено в Музейном евангелии.

2. Основы на -п мужского рода

Существительное дньъ сохраняет своё архаичное окончание в родительном падеже единственного числа: dñne 236, 576, 616, 87a, 110a, 135a, 153a, но известна и флексия, образованная по основам на -ї: ot dñni того 556. Творительный падеж оканчивается на ьть: dñньть 1026. В местном падеже находим -і: o dñi 576.

Именительный падеж множественного числа этого существительного был образован как собирательное существительное: dñnje 46 (дважды), 486, 876, 90a, 1306. Прежнее окончание родительного падежа множественного числа, по А. Вайану³⁰, сохраняется только в сочетании с именем числительным; в других случаях было обобщено окончание, возникшее под влиянием основ на -ї. В Музейном евангелии это существительное в родительном падеже множественного числа имеет форму, образованную по основам на -jo: dñь 66; šestі dñь 127a.

В именительном падеже единственного числа мы встречаем форму камень, которая по происхождению является формой винительного падежа единственного числа. Например: kamenі 105a, 1336, 496, 546, 91a, 936.

По своей фонетической особенности интересна форма именительного падежа единственного числа: kamопь 106.

Окончание родительного падежа -е: korene 52a, 72a, 90a, 157a. В местном падеже представлена флексия на -і: kamenі 51a, 52a, 626, 686. Только один раз встречается форма на -е: kamene 42в.

Как видно, существительные с основой на -п ещё сохраняли свои архаические окончания, хотя влияние ї-основ и jo-основ довольно заметно в некоторых формах. Дольше всех сохранялось окончание родительного падежа единственного числа на -е, которые встречается даже в памятниках XVI века, кроме того, оно было известно в некоторых говорах русского языка в начале нашего века.

3. Основы на -п и -t среднего рода

В родительном падеже эти существительные, вообще, сохраняют старую флексию на -е: sēmene 31a, 1316; plēmene 426; vrēmene 63a, 82a, (восемь случаев); kozęte 108a, imene 106a. О влиянии основ на -ї свидетельствует окончание на -і в родительном падеже: imenі mojego 103a.

Окончание дательного падежа -і: otročęti 124a. В творительном падеже встречается флексия на -ьть: imеньть 54a, 746, 966, 125a, 1546.

³⁰ Вайан А. Руководство по старославянскому языку, Москву, 1252, стр. 127.

В местном падеже уже вполне обобщена флексия на -i: vgr̃menī 58a, 105b, 135a; imenī 73a, 96b; žr̃b̃eti 82a.

Существительное d̃et̃e образовало своё множественное число при помощи существительного женского рода d̃eti. Оно склоняется в родительном падеже множественного числа по основам на -i: d̃etii 36a, 38c, 39a, 87b.

4. Основы на -r

В родительном падеже единственного числа известны архаичные формы на -e: matere 34b, 80b, 156b; но известны и формы, возникшие по аналогии с основами на -i: materi 134a; d̃r̃steri 60b.

В дательном падеже обнаруживается и окончание на -e, что можно считать опiscoй: nese matere svojej̃.

5. Основы на -u

В именительном падеже единственного числа встречаем архаичные окончания: s̃r̃ku 5b, 44b, 79a, 192b; smoku 40b, 101a. Естественным исключением этой закономерности является существительное* kru, у которого уже в старославянских памятниках имеется форма винительного падежа единственного числа в именительном падеже: ṽsr̃ka k̃r̃ṽ 133b, 14a, 154a.

Форма винительного падежа не вызывает замечаний: ṽ s̃r̃k̃ṽ 40b, svek̃r̃ṽ 81a; ljuboṽ 144a, smok̃ṽ 40b.

Родительный падеж оканчивается на -e: k̃r̃ve 1b, 45a (дважды), 55b; ljub̃ve 9a, 78b, 80b; smok̃ve 79a, 133b.

Известна и флексия, образованная по основам -i: k̃r̃vi 12a, ot k̃r̃vi do k̃r̃vi 79a, 133b, smok̃vi 128b.

Из старославянских памятников для Синайской псалтыри характерна эта флексия. Насчёт форм на -i можно сказать, что они отражают особенность живого древнерусского языка, в котором существительные с основой на -u переходят к существительным с основой на -i.

Во всех случаях в местном падеже единственного числа эти существительные оканчиваются на -i: ṽ s̃r̃k̃vi 13b, 15b, 16a (десять случаев); smok̃vi 82a.

6. Множественное число существительных с суффиксом на -tel̃, -ag̃, -ip̃

В основном именительный падеж множественного числа имеет окончание -e: rimlene 23b, žatele 32a, c̃sare 41a, 66a, 75a, 139, mytare 42a, 68b, 129a (дважды); učitele 66a, galileane 82b, d̃elatele 49a, 90b, 94b, 129a.

Но имеются и отклонения от этой нормы. Существительное rybar̃ имеет в этом падеже флексию на -i: rybari 64a, форму mytar̃ на странице 42b можно объяснить как древнерусский винительный падеж множественного числа, употребляемый в именительном падеже. Форма i Judeiny (страница 19a) интересна, потому что она сохраняет суффикс -ip̃ и во множественном числе, причём окончание множественного числа не -e, а -u, которое оформилось под влиянием винительного падежа множественного числа основ на -o.

В винительном падеже встречаем старославянские формы: *dělateļ* 396, 736, 91с, 95а; но *mytarē* 56а под влиянием живого языка. Родительный падеж существительных с суффиксом на *-aninъ*, *-janinъ* не вызывает замечаний: *ijerusalemļenъ* 15а, *sodomļenъ* 406, *samarjēnъ* 186.

Родительный падеж существительных с суффиксом *-telъ* указывает на влияние основ на *-jo*: *dělatelъ malo* 73а.

Дательный падеж оканчивается на *-emъ*: *učitelemъ* 44а, *dělatelemъ* 49а (дважды), 496, 906; *vlastitelemъ* 91а, *žatelemъ* 102а.

Существительное *sodomļjaninъ* в дательном падеже множественного числа испытало влияние основ на *-o*: *sodomļenomъ*. При чём этот вариант часто встречается в церковнославянских памятниках. Существительное *židovinъ* имеет форму именительного падежа множественного числа на *-e*: *židove* 59а, 125аб, 1266, 1506, 152а, 153а, 1566. Родительный падеж *židovъ* 126а, 1276.

3. На этом мы кончаем рассмотрение системы склонения имён существительных в Музейном евангелии. Конечно, на основе только одного памятника нельзя составить точную картину о новгородском говоре конца XII века. Для этого необходимо разобрать и детально описать все памятники русского языка. Только результатом анализа всех памятников можно получить точную и достоверную картину вышеназванного говора. Настоящая статья намерена быть скромным вкладом в эту большую работу.